

— Ты послушай! Я правильно говорю или нет? Если есть что-то неточное, поправь меня. — Бай Юйхуэй слез с плетеного кресла на землю и приготовился начать свой рассказ.

В этот момент молодой господин Чжоу неожиданно выпрямился и холодно произнес:

— Я сам.

История была до боли похожа на те дешевые любовные романы: молодой и перспективный чиновник во время служебной командировки получил ранение, и его в свой заброшенный дом подобрала добрая и сострадательная девушка.

Ухаживая за больным, они заодно окружили себя атмосферой легкой двусмысленности.

Поддавшись чарам лунного света и хорошего вина, оба совершенно естественно оказались в одной постели.

Вот только перед самым отъездом в Столицу чиновник сообщил девушке, что у него уже есть семья — жена и двое детей, сын и дочь.

Добрая девушка, разумеется, безумно опечалилась. Но она ведь была такой добросердечной! Поразмыслив, она решила, что на ней тоже лежит немалая доля вины: почему перед тем, как лечь в постель, она не расспросила его обо всем подробно? Раз уж оплошность совершена, не стоит продолжать множить ошибки.

Решившись на этот шаг, сердобольная девушка оборвала все связи с чиновником и позволила ему благополучно вернуться в Столицу.

Спустя два месяца после отъезда чиновника девушка обнаружила, что беременна.

Она жила одна, поэтому тайком родить этого ребенка не составляло особого труда.

Трудность заключалась в том, что растить крошечного малыша в одиночку было поистине тяжким испытанием.

К счастью, небеса проявили милосердие, и девушка мало-помалу вырастила ребенка.

Характером мальчик пошел в мать — робкий и ласковый. Жили они вдвоем душа в душу, хоть и не купались в роскоши, но на жизнь хватало.

То ли такова была злая воля судьбы, то ли еще что, но когда ребенку исполнилось лет шесть-семь, тот самый чиновник, что некогда ушел без оглядки, вдруг снова объявился и разыскал девушку, приложив немало усилий.

Оказалось, что его родной сын тяжело заболел, и в качестве лекарственного снадобья ему требовалась кровь из глаз кровного брата.

Тут-то чиновник и вспомнил о девушке, с которой его некогда связывали узы супружества.

Преодолев немалое расстояние, он прикатил на маленькой повозке, чтобы встретиться с ней лицом к лицу.

Поначалу девушка была ошеломлена — она никак не ожидала, что он все еще помнит о ней.

Но когда чиновник прямо спросил, не оставила ли она после него потомства, в его словах послышался недобрый подтекст.

Девушка солгала, ответив, что нет.

Чиновник изобразил на лице горькое разочарование и лишь тогда поведал о истинной цели своего визита.

Выяснилось, что он хлопотал исключительно ради собственного отпрыска, разыскивая живое лекарство.

Сердце девушки было разбито. Проводив незваного гостя, она собрала вещи и вместе с сыном, который в тот день чудом разминулся с чиновником, переехала в другой дом.

Обосновавшись на новом месте, она прожила в тишине и покое около двух лет.

Но в один прекрасный день ребенок, вернувшись домой, обнаружил свою мать лежащей на постели; изо рта у нее шла черная кровь, и она уже умирала.

Слабым голосом мать поведала сыну, что законная жена чиновника узнала об их мимолетной связи и пришла в ярость. Она требовала выдать ей соперницу живой или мертвой — эта интрижка должна была исчезнуть раз и навсегда.

Чиновник же, стремившийся сделать карьеру и всецело зависевший от влияния клана своей супруги, не смел ослушаться. Он вновь разыскал девушку, влил ей в горло чашу яда и скрылся.

Семена ненависти глубоко проросли в детском сердце.

Шло время, мальчик вырос. Получив помощь от влиятельного покровителя и освоив кое-какие навыки, он смог устроиться в уездную управу помощником судебного лекаря, чтобы зарабатывать на кусок хлеба.

А позже он встретил того самого чиновника, о котором часто рассказывала мать.

И тогда он начал осуществлять свой план мести.

Глава двадцать четвертая

— Каким образом ты умудрился связаться с министром обороны? — снова откинувшись на спинку плетеного кресла, лениво поинтересовался Бай Юйхуэй.

Хотя Бай Лань тоже слушал рассказ, на сей раз он учел прошлый урок: одной рукой он мертвой хваткой вцепился в запястье молодого господина Чжоу, не отпуская его ни на секунду, и теперь сидел на полу рядом с ним.

— Господин, вы и впрямь верите всему, что он наплел?

— На данный момент его слова кажутся мне правдоподобными, они в целом совпадают с результатами моего собственного расследования, — ответил Бай Юйхуэй.

Сидевший на полу молодой господин Чжоу приподнял брови и испытующе посмотрел на него.

— Естественно, я сперва кое-что раскопал, а уже потом стал тебя расспрашивать. Говорить правду или нет — твое дело, но я не утверждал, что поверю каждому слову. Так что ты болтай языком просто так, а я послушаю из праздного любопытства.

Любопытство в глазах молодого господина Чжоу быстро угасло.

Он продолжил свой рассказ.

Затесавшись в ряды судебных лекарей благодаря своей молодости, расторопности, усердию и отсутствию привычки доставлять хлопоты начальству — к тому же он частенько выходил на работу сверхурочно и даже не брал за это денег, — он быстро завоевал всеобщую симпатию.

Со временем он сошелся с судмедэкспертом из Министерства наказаний.

Тот судмедэксперт отличался нравом занудным и строгим, и ему редко выпадало удовольствие найти столь же близкого по духу собеседника, как молодой господин Чжоу.

Перекидываясь словечками, они то и дело тайком встречались в неформальной обстановке, обсуждая особенности самых причудливых дел, с которыми им доводилось сталкиваться, и делясь новоприобретенным опытом и прочими профессиональными соображениями.

Судебный эксперт из Министерства наказаний пришел в восторг от многих умозаключений молодого господина Чжоу, и их общение стало еще более непринужденным.

Когда один человек начинает считать другого другом, бдительность невольно притупляется.

Вот от этого самого эксперта молодой господин Чжоу и выведал расписание прибытия и убытия столичных сановников из ворот дворца.

А заодно случайно узнал, что у министра обороны здоровье ни к черту: тот круглые сутки сидит на лекарствах и тониках. Несмотря на это, даже его личный лекарь вынужден был каждые два-три дня наведываться в особняк, чтобы осмотреть больного и скорректировать рецепт.

Молодой господин Чжоу затаил всю эту информацию в памяти.

Затем хитростью он вышел на того самого личного лекаря.

Подкупив парнишку, который доставлял лекарства в особняк старого министра, молодой господин Чжоу сам под видом курьера отправился туда.

Пока у ворот сверяли содержимое свертка с рецептом, он незаметно подмешивал внутрь щепотку цуньсинь.

Дозировку он рассчитал идеально, яд не действовал мгновенно, а потому ни внутри особняка, ни за его пределами ничего не заподозрили.

Судя по расчетам молодого господина Чжоу, старый министр не должен был дотянуть и до конца следующего месяца.

Но старый хрыч оказался на редкость хилым и отправился на небеса на месяц раньше срока.

— Впрочем, неважно. Умри он на месяц раньше, я даже обрадовался. Меньше хлопот: не пришлось лишний раз переодеваться в курьера. Знаете ли вы, с каким трудом я сдерживался, чтобы каждый раз у ворот не ворваться внутрь и не покончить с ним?

Дослушав до конца, Бай Юйхуэй встал с плетеного кресла, присел на корточки перед молодым господином Чжоу и спросил:

— Ты из Государства Циньвэй?

Остальные двое присутствующих в комнате опешили.

Бай Лань опомнился первым:

— Ты человек из Государства Циньвэй, какого черта забыл в нашей стране? С какими намерениями пробрался сюда?

— Я не оттуда.

— Кто помог тебе укрыться? Одиночке вроде тебя ни за что бы не проскользнуть мимо границы. Разве что все наши пограничники передохли. Пока они живы, просто так сюда не попасть.

Цуньсинь — это местный деликатес Государства Циньвэй. Молодой господин Чжоу прекрасно знал, как им пользоваться и какова должна быть дозировка, значит, явно имел с ним дело постоянно.

Однако делать на этом основании вывод, что он родом из Государства Циньвэй, было бы чересчур опрометчиво.

— Те ругательства на диалекте Государства Циньвэй, что ты только что выкрикнул, были проклятием в мой адрес, чтобы я поскорее загнулся, верно? — улыбка Бай Юйхуэя стала еще шире.

Выражение лица молодого господина Чжоу теперь уже трудно было назвать просто шокированным. Дрожащим голосом он произнес:

— Ты... как ты мог разобрать? Ты...

Бай Юйхуэй только собрался похвастаться тем, что ему ведомо все на свете — от небесных светил до земных недр, и блеснуть своей ученостью перед молодым господином Чжоу, как снаружи раздался голос слуги:

— Господин, прибыл Маркиз Аньпин. Требуется личной встречи с вами.

Маркиз Аньпин?

Какая ирония: стоило мне схватить человека, как он тут же явился по мою душу.

Бай Юйхуэю пришлось вовремя прикусить язык.

— Есть ли у тебя последние слова? Стоит тебе выйти отсюда живым ты уже не уйдешь.

Бай Лань растерянно протянул:

— Выйти? Куда это ему выходить? Когда? Прямо сейчас?

— А по-твоему, зачем пожаловал Маркиз Аньпин? Чаю с нами попить?

Бай Лань лишился дар речи.

— Дайте ему бумагу и кисть, пусть напишет предсмертную записку. Если нечего писать, просто умойте ему лицо — будем считать, что свой долг человечности мы выполнили.

Дверь подземной темницы со скрипом отворилась и захлопнулась. Бай Юйхуэй остановился у входа, глубоко вздохнул, напустил на лицо безупречную улыбку и отправился встречать спешащего Маркиза Аньпина.

Поклоны, любезности — оба чиновника чинно отыграли положенный ритуал, после чего Маркиз знаком велел окружающим слугам удалиться.

— Чему Маркиз желает научить младшего чиновника? Внимательно слушаю.

Маркиз Аньпин холодно фыркнул:

— Оставь эти церемонии. До меня до слухов дошло, что ты поймал какого-то подозреваемого. Вот я и пришел взглянуть, у кого хватило наглости поднять руку на моего друга.

— Интересно, из каких же источников до вас дошли эти слухи, Маркиз? — на лице Бай Юйхуэя по-прежнему сияла улыбка, но в мыслях он уже изрыгал проклятия на все лады: «Сколько же ты шпионов расставил вокруг меня? Любое мое движение тебе известно лучше, чем собственные мысли!»

— Ты мне отвечай прямо: есть такой человек или нет? Где он? Приведи его сюда, я лично хочу его допросить.

Опустив глаза, Бай Юйхуэй помолчал пару мгновений, а затем покорно произнес:

— Слушаюсь.

Приведенного в порядок молодого господина Чжоу вскоре вывели перед очи высоких гостей.

— Подними голову, дай-ка я на тебя посмотрю, — сурово приказал Маркиз Аньпин.

В тот момент, когда молодой господин Чжоу поднял глаза, свирепое выражение лица Маркиза заставило его невольно вздрогнуть.

— Совсем страх потерял? Старый министр не сделал тебе ничего дурного, за что же ты свел его в могилу? Такой молодой, а сердце чернее сажи! — с искренним гневом воскликнул Маркиз Аньпин.

Бай Юйхуэй даже бровью не повел — подобные лицемерные тирады давно набили ему оскомину.

Выплеснув праведное возмущение, Маркиз снова повернулся к нему:

— И как же господин Бай намерен поступить с этой тварью?

— Отправлю в Судебный приказ Дали.

— По мне так казнить его на месте. Чтобы не плодить ночных кошмаров, — предложил Маркиз Аньпин.

— Ох, Маркиз, умерьте свой гнев. Палки-то били мне, в темницу бросали меня, но почему-то я не киплю от ярости так, как вы.

Маркиз выкатил глаза:

— Но ведь погиб мой друг!

— Да-да, я знаю, как вы цените верность и дружбу. Именно поэтому отправить его в Судебный приказ Дали — самое справедливое решение. Иначе окружающие подумают, будто вы, Маркиз, движимые личной местью, решили вершить самосуд, — парировал Бай Юйхуэй, отражая удар легким движением.

Маркиз Аньпин какое-то время молчал, а затем холодно бросил:

— В таком случае этот маркиз составит вам компанию и съездит в Судебный приказ Дали.

— Извольте.

Молодого господина Чжоу затолкали в карету Маркиза Аньпина, и процессия прямым ходом направилась в Судебный приказ Дали.

Бай Юйхуэй вел себя как скромный слуга при Маркизе: всю дорогу только и делал, что кивал, поддакивал да время от времени вставлял дежурные фразы в ответ на нескончаемый поток нравоучений, а в остальное время притворялся элементом убранства.

Великий судья Судебного приказа Дали лично вышел встречать Маркиза Аньпина и Бай Юйхуэя, которому совсем недавно довелось испытать горькую чашу палочных наказаний.

Судья отличался мягким характером и, вспоминая, что Бай Юйхуэй ни за что ни прочто пострадал прямо у него на глазах, испытывал неловкость. Поглядывая на него, он неизменно улыбался.

— И это тот самый человек, что погубил старого министра?

Молодого господина Чжоу подвели ближе.

На вид юный и щедушный, никак не вяжущийся с образом хладнокровного злодея.

— Мы доставили преступника, господин судья. Извольте допросить его со всей тщательностью, старый министр должен получить справедливость.

Маркиз Аньпин говорил с большим пафосом, судья почтительно склонил голову в знак согласия.

Уже на пороге Судебного приказа Дали молодой господин Чжоу оглянулся на стоявшего у ступенек Бай Юйхуэя и с усмешкой бросил:

— Жизнь за жизнь, мне не о чем жалеть.

Бай Юйхуэй беззаботно помахал ему рукой:

— Скатертью дорожка.

Сдался мне твоё раскаяние! Раз нашёлся козел отпущения, я только рад передохнуть.

К тому же сегодня Бай Юйхуэй получил весточку: Цзинь Линьюэ должен прибыть в Столицу уже сегодня вечером.

Не видевшись столько дней, Бай Юйхуэй чувствовал зуд нетерпения.

До чего же странные эти люди.

Пока годами не пересекались, и в мыслях не было так тосковать.

А стоило расстаться всего на несколько дней, как на душе скребут кошки.

Едва ли не сильнее его волновался спешивший в Столицу Цзинь Линьюэ.

И вовсе не от избытка нежных чувств к Бай Юйхуэю — просто в их повозке всю дорогу голосил

господин Чжу, и Цзинь Линьюэ уже был близок к помешательству.

Понимая, что в Столице его ждет неминуемая гибель, господин Чжу заранее предался отчаянию и вовсю голосил.

Министр общественных работ, будучи человеком в возрасте, не вынес такого соседства и сбежал в заднюю повозку.

Цзинь Линьюэ поневоле пришлось лично присматривать за этим плаксой.

Наконец, выдохнувшись от крика, господин Чжу немного утомился.

Осипшим голосом он спросил:

— Господин Цзинь, а у вас есть что-то, к чему вы испытываете безумную страсть?

В воображении Цзинь Линьюэ промелькнул чей-то образ, но вслух он ответил:

— Нет.

— А у меня есть. Страстно желаешь какую-нибудь вещь, а заполучить не можешь — сердце кровью обливается! Разве я виноват, что пошел на кое-какие хитрости ради того, чтобы ее заполучить? Я же просто спасал себя!

Цзинь Линьюэ холодно усмехнулся:

— Господин Чжу, позвольте полюбопытствовать, что же это за предмет вашей страсти?

— Деньги же.

...

— Господин Цзинь, вы с виду человек обеспеченный, вам не понять, каково это — страдать от нехватки денег. Я за свою жизнь столько натерпелся, я больше и дня не хочу жить в нужде! Вот и зажигаюсь всякий раз, когда вижу прибыльное дельце, удержаться не могу, лезу в долю. Разве я в чем-то не прав?

...

— Господин Цзинь, взгляните на нынешнюю жизнь: поесть, попить, добраться куда-то — нужны деньги. Детям за учебу платить — нужны деньги. Наложницу завести — нужны деньги. В бордель сходить — нужны деньги! Куда ни глянь, всюду требуются звонкие монеты. Я просто

борюсь за свое счастливое существование, разве я виноват?

...

— Ох, господин Цзинь, вы и представить себе не можете, как бешено растут цены! В прошлом году заказываю девицу в публичном доме, а за первоклассную просили всего триста лянов. В этом году — не меньше пятисот! Двести лянов за один год накупили, есть ли на свете хоть капля справедливости?

...

— А еще, господин Цзинь, в прошлый мой день рождения мне преподнесли подарки из чистейшего золота! Работа искусная, резьба тончайшая, материалы отменные — в Императорском дворце не сыщешь лучше. А в этом году прислали серебряные! Подумать только, какой убыток в серебре я понес! Разве ж тут не взвоешь от досады?

...

— Господин Цзинь, судя по возрасту, вы еще молоды. Женщина у вас есть? А разве женщины не требуют денег? Все эти жемчужные заколки, драгоценности, румяна да пудра — неужто они сами по себе берутся? Если я не буду загребать деньги, как мне выжить в этом мире?

— Господин Чжу, деньги, конечно, важны, но вот способ, которым вы их добываете... он в корне не верен. Так ведь можно и головы лишиться.

Глава двадцать пятая

— Но ведь деньги — это и есть моя жизнь, господин Цзинь! Вы еще слишком молоды, вам не понять, как невыносимо тяжело жить без гроша в кармане.

Цзинь Линьюэ едва заметно поморщился.

Ему доводилось слышать о коррупционерах, у каждого из которых находилось свое оправдание, но столь откровенных циников, как господин Чжу, встретишь нечасто.

Не желая продолжать этот бесперспективный разговор, Цзинь Линьюэ скрестил руки на груди, слегка прикрыл глаза и решил немного вздремнуть.

То ли выжидая подходящий момент, то ли нарочно, господин Чжу со своим тучным телом тихонько заерзал и стал тайком подбираться к выходу из повозки.

Искоса взглянув на Цзинь Линьюэ — никакой реакции.

Господин Чжу подвинулся еще немного — Цзинь Линьюэ все так же сидит неподвижно, даже веками не повел.

В третий раз попытавшись сдвинуться с места, он услышал ледяной голос с закрытыми глазами:

— Поберегите силы, господин Чжу. Если вам удастся бежать, вы автоматически станете государственным преступником. Тогда вам суммируют все грехи, и у вас даже возможности не останется кричать о своей невинности.

Услышав это, господин Чжоу моментально растерял весь свой боевой задор. Он окончательно сник, тяжело рухнул у самого выхода из повозки и уставился стеклянным взглядом в потолок, погрузившись в мрачные думы.

Убедившись, что господин Чжу наконец-то утих, Цзинь Линьюэ позволил себе чуточку расслабиться. Последние дни на Дамбе Жиюэ выдались на редкость сумасшедшими, и сказать, что он не устал, было бы ложью.

По возвращении в Столицу суеты поубавится вряд ли, зато головной боли и запутанных дел прибавится сполна.

При этой мысли Цзинь Линьюэ мысленно выругался.

А вот кто сейчас действительно прыгал на месте и крыл всех трехэтажным матом, так это Бай Лань.

Он уже добрые полчаса оглашал руганью тихий переулок.

Хотя прохожие здесь появлялись редко, Бай Лань старался понизить голос до минимума.

Вспыльчивый Бай Лань одновременно порывался послать к черту весь белый свет и до смерти боялся привлечь внимание к их особам, отчаянно шипя себе под нос, так что сцена выглядела весьма комично.

Костерил он вовсе не кого-нибудь, а Маркиза Аньпина.

Какого черта являться именно сейчас — ни раньше ни позже? Стоило в поместье Бай схватить подозреваемого, как этот хрен тут же появился. Ладно бы просто явился — так нет же, забрал арестованного! А забрав, взял да запретил господину Бай вмешиваться в это дело дальше!

Я из-за тебя палки на своей шкуре испытал, а теперь мне и носа сунуть нельзя?

Да даже при расправе с верным скакуном после работы не действуют так стремительно!

Выпалив это, Бай Лань тут же сообразил, что невольно сравнил Бай Юйхуэя с ослом, и торопливо поправился:

— Я не в том смысле, что ты осел... осел по сравнению с тобой куда понятливее.

...

Получается, хуже осла?

Подумав секунду, Бай Лань махнул рукой:

— Ладно. По крайней мере, тебя временно вывели из-под удара, а на остальное плевать. Пускай делают что хотят, мы будем жить своей жизнью.

— Вот и отлично. Ну как, выполнил то, что я тебе поручил? — неторопливо поинтересовался Бай Юйхуэй.

Бай Лань мгновенно стер с лица воинственное выражение, подозрительно огляделся, убедился в отсутствии опасности и, придвинувшись к Бай Юйхуэю, зашептал:

— В те дни, когда ты отлеживался, вместо тебя назначили временного управляющего, помнишь? Я выяснил: он человек правого премьер-министра. Хоть следы и запутаны капитально, но сомневаться не приходится — точно его человек.

— Убрать сможешь?

— Если говорить об управляющем, то провернуть все тихо и замести следы будет трудновато. Он молод, вредных привычек не имеет, разве что рыбачить любит до безумия. Может, подстроить так, будто он утонул во время рыбалки?

Бай Юйхуэй помолчал немного и кивнул:

— Добро.

Затем он поднял глаза на солнце и добавил:

— Бай Лань, подыщи мне какое-нибудь глухое местечко. Такое, куда никто в жизни не сунется.

— Тебе зачем?

— С мужчиной уединиться.

...

Доприбывавшийся до нужной кондиции Бай Лань с завидной протяжностью в голосе протянул:

— Уж не ждешь ли ты прибытия господина Цзинь? В эту пору года коты и собаки с ума сходят, видимо, и ты не исключение.

— Коли не найдешь, я займу тайную комнату за твоей спальней.

— Тьфу ты, избавь меня от своих безумств! Сам найду, я прямо сейчас отправлюсь на поиски.

Бай Лань умчался со скоростью света. Оставшись в одиночестве у входа в переулок, Бай Юйхуэй какое-то время смотрел на узкую полоску неба над головой, пока у него не заныла шея, сладко зевнул и неторопливо побрел обратно в поместье.

Телом он находился в особняке, но мыслями поминутно отслеживал местоположение Цзинь Линьюэ.

К сумеркам поднялся прохладный ветерок, и улицы наполнились прогуливающимися горожанами.

Бай Юйхуэй в одиночестве бродил по улочкам и незаметно для себя вышел к воротам резиденции Цзинь Линьюэ.

Стражники у входа выглядели знакомо, так что подходить слишком близко он не стал.

Вдалеке слышался стук колес приближающейся повозки.

Спрятавшись за лотком торговца бумажными зонтами, Бай Юйхуэй увидел, как полог кареты откинулся и Цзинь Линьюэ с присущим ему изяществом ступил на землю.

Вернулся.

В ту самую секунду, когда Цзинь Линьюэ опустил ногу на мостовую, он почувствовал чей-то жгучий взгляд из толпы. Вскинув глаза, он успел заметить лишь мелькнувшую тень Бай Юйхуэя.

Притворяется. Опять ломает комедию.

Господин Чжу был брошен императором в темницу Тяньцзао, а завтра утром его ждет показательный допрос на утреннем совещании.

Цзинь Линьюэ хотел предупредить Бай Юйхуэя, чтобы тот приготовился к неизбежному закланию, но ломал голову над тем, как сделать это незаметно для посторонних глаз.

<http://bllate.org/book/21823/2259745>